

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОГО ГОРОДСКОГО ПРАВА XIII–XV ВВ.

© 2015

Ю.В. Оспенников, доктор юридических наук, профессор кафедры
теории и истории государства и права
Самарская гуманитарная академия, Самара (Россия)

Ключевые слова: городское право; источники права; международные договоры; средневековое право.

Аннотация: В статье выделены и охарактеризованы основные группы международных договоров, известных на северо-западе Руси в XIII–XV вв. Показан их потенциал для изучения русского городского права.

Историю средневековых русских городов принято рассматривать в контексте противопоставления так называемых общинного и городского строя. В соответствии с этой концепцией древнерусские города функционировали в рамках дальнейшего развития общинных институтов, тогда как европейские города в это же время вышли за рамки эволюции общинных институтов и продемонстрировали становление «городского строя» [1–4]. Данный подход отличает очень большую степенью схематизма, при этом сознательно не ставятся вопросы сопоставления общинных начал в жизни древнерусских и европейских городов, равно как не ставится проблема этнокультурного своеобразия русского городского права, его допустимых отличий от эталонных европейских городских статутот.

Международные договоры представляют собой ту группу источников права, которая крайне редко привлекается для анализа городского права как европейских, так и русских городов и его источников. Между тем от периода XIII–XV вв. сохранилось значительное количество заключавшихся между городскими общинами договоров, которые раскрывают особенности устройства городских общин, их взаимодействия друг с другом, с сельской прилегающей округой, взаимовлияния правовых норм и т. п.

В рамках данной статьи будут выделены несколько разновидностей международных договоров указанного периода и показано их значение для изучения городского права, без претензии на достаточно основательное раскрытие содержания отдельных групп этих памятников.

На нижней границе рассматриваемого периода находится договор Новгорода с Готским берегом 1189–1199 гг. Готским берегом на Руси называли остров Готланд, на котором находился один из крупнейших торговых центров – город Висбю. Право, действовавшее на острове Готланд, дошло до нас в составе судебного Гуталага, который можно поставить в один ряд с другими записями обычного права средневековой Европы [5, с. 113–171]. Тем больший интерес представляет тот факт, что текст договора 1189–1199 гг. строится на основе древнерусского права, прямые соответствия его статьям мы находим в тексте Русской Правды.

Последующие столетия – XIII и XIV в. – донесли до нас значительно большее количество текстов международно-правовых актов, которые можно попытаться систематизировать, распределив по нескольким группам, имеющим свои характерные черты.

Первую группу составляют договорные грамоты с князьями, которые необходимо отличать от собственно договорных грамот в узком смысле, прямое назначение которых состояло в установлении определенных отношений между городской общиной и князем. Следует отметить, что многие договоры Новгорода о мире с князьями преимущественно следовали формуляру договорных грамот [6, с. 39–43, 45–51], однако некоторые акты этой группы строятся по-иному, не определяя места князя и его должностных лиц во властной структуре городской общины. В формуляре этих договоров выделяются несколько устойчивых элементов-клаузул.

Первая клаузула указывает на обстоятельства, вы-

зававшие издание данной грамоты. Как правило, это вооруженный конфликт (например, «что ся учинило промежи князя и Новгорода розратье»), завершить который призвана договорная грамота, являющаяся поэтому «докончальной» [6, с. 23]. В некоторых грамотах указание на конфликтную ситуацию, требующую разрешения, не включается, авторы ограничиваются определением ее «докончального» характера [6, с. 24, 25–26].

Следующая клаузула посвящена определению условий восстановления справедливости, восстановления нарушенного интереса различных общественных групп обеих сторон. Земля имела особое значение в средневековом обществе, в связи с этим договаривающиеся стороны стремились к восстановлению нарушенной границы и возвращению захваченных земель («рубужь ми дати по старому рубужью») [6, с. 24]. Здесь же включалось условие о возвращении под власть Новгорода земель, купленных княжескими боярами во время конфликта, а также людей, заложившихся за князя и его слуг [6, с. 23].

Отдельную клаузулу составляла договоренность об обмене пленными без уплаты выкупа: «А што поимани люди мої, пустити вы безь окупа» [6, с. 24], «А что голвы поимано по всеи волости Новгородьскои, а те пойдут[ть] к Новугороду безь окупа» [6, с. 23].

В некоторые грамоты включалась клаузула, определявшая размер денежной суммы, уплачиваемой проигравшей стороной. Например, в договорной грамоте Новгорода с тверским великим князем Михаилом Ярославичем 1316 г.: «А за все за то взяти князю у Новгорода двенадцать тысячи серебра...» [6, с. 23]. Здесь же определялись сроки выплаты компенсации, в качестве гарантии уплаты могли удерживаться заложники («талъщики»).

Эти же основные моменты мирных договоров, оформлявшихся договорными грамотами, отражены в наказе послан, уполномоченным заключить мирный договор: 1) освобождение полна без выкупа (в том числе сложение целования с тех, кто был приведен князем к присяге, и освобождение тех, на кого была составлена «дерноватая» грамота); 2) отказ от истребования движимого имущества («товара»), пограбленного в ходе конфликта; 3) восстановление прежних границ земельных владений князя и Новгорода («А земле [и] воде старый рубужь по старымъ грамотамъ») [6, с. 32–33].

Рассмотренному выше образцу следовали и международные договоры о мире Новгорода с ганзейскими городами и другими государствами, однако в них присутствовали дополнительные условия. Например, в договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами 1262–1263 гг. также подчеркивается характер этой грамоты как «докончальной», кладущей конец вооруженному конфликту; отмечается, что все претензии сторон должны быть отложены (за исключением одной тяжбы, которой в грамоте дается решение). В грамоту были включены и дополнительные условия, учитывающие специфику отношений сторон: 1) декларация безопасности пребывания немцев и готландцев в Новгороде, а также новгородцев на Готланде и в немецких городах; 2) регулирование вопросов тор-

говых мер и весов; 3) регулирование вопросов торговых пошлин [6, с. 56–57].

В Ореховецком договоре 1323 г. в качестве дополнительного условия устанавливается запрет обеим сторонам ставить укрепленные поселения по Карельской земле, вводится традиционное для договорных грамот взаимное обязательство выдавать должников, поручников и беглых холопов [6, с. 68].

В некоторых случаях предусматривались территориальные уступки одной из сторон, в результате чего в договоре фиксировалась новая граница между державами. Например, по Ореховецкому договору Новгород отдавал шведам некоторые карельские земли («И да князь великий Юрги со всем Новымгородомъ по любви три погосты: Севилакшу, Яскы, Огребу – корельскы погосты»), вслед за чем в договоре подробно определялась новая граница («А розводъ и межа: от моря река Сестрея, от Сестрее мохъ...») [6, с. 68].

Вторую разновидность международных договоров составляли договоры о взаимной помощи. Первая класула здесь также указывает на обстоятельства, обусловившие издание грамоты. В отличие от мирных договоров, в этих грамотах описывается не предыдущая конфликтная ситуация, а прибытие делегации от одной из сторон и выраженное ими намерение заключить соглашение о координации совместных действий: «Се приехали ко мне, к великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, от отца моего владыки Олексея, и от посадника Юрья, от тысячково Олисея, и ото всего Новгорода Иванъ посадникъ, Василии Федоровъ, Иванъ Борисовъ, а от черныхъ людии Воиславъ Поповичъ, Василии Огафоновъ» [6, с. 31].

Основное же содержание грамоты составляет определение взаимных обязанностей, которые берут на себя стороны. Например, в договоре великого князя московского Дмитрия Ивановича с Новгородом 1371–1372 гг. совместные действия предполагаются против Литвы, Тверского княжества и немцев. В случае начала военных действий московского князя против Твери или Литвы новгородцы обязывались выступить на стороне Москвы, такие же обязательства брал на себя московский князь в случае военного конфликта Новгорода с Литвой, Тверью или немцами [6, с. 31]. Отдельно оговаривалось, что князь не должен покидать Новгород, пока не завершатся военные действия, за исключением того случая, когда нападению подвергнутся владения самого московского князя: «А поидеть на насъ рать, ехати ми от васъ, или брату моему, безъ хитрости, а то намъ не в измену» [6, с. 31]. В договоре Новгорода с Ливонским орденом 1323 г. предполагаются совместные действия против Литвы [6, с. 65–67].

В этой группе договоров могло специально оговариваться обязательство не заключать сепаратного мира («чтобы новгородцам мира с литовцами не заключать без нашего согласия, и нам мира с литовцами не заключать без согласия новгородцев») [6, с. 66].

Третья разновидность международных договоров посвящена преимущественно регулированию совместных судов и определению других взаимных отношений. Например, в новгородской грамоте тверскому великому князю Борису Александровичу 1446–1447 гг. предлагалось урегулировать следующие вопросы: 1) порядок осуществления пограничного совместного суда (от каждой стороны назначалось по одному боярину для осуществления этого суда, ведению которого подлежали жители приграничных районов); 2) обязательство выдачи преступников; 3) сохранение верховенства соответствующей стороны над частными землями, независимо от места жительства собственника или владельца (если новгородец перебрался жить в Тверь, земля его все равно считалась новгородской, точно так же земли тверича, перебравшегося в Новгород, оставались под властью тверского князя); 4) определение места проведения суда

по подсудности ответчика («а имуть чего искати на новгородцехъ или на новоторжчехъ, судъ с новгородцемъ в Новгороде, а с новоторжцомъ в Торжку; или чего имуть искати новгородци или новоторжци на тферитине, судъ имъ во Тфери»); 5) определение торговых пошлин; 6) установление принципов судопроизводства, гарантирующих справедливое рассмотрение дела тверича в Новгороде или новгородца в Твери; 7) определение свободы торговли для обеих сторон; 8) взаимные обязательства выдачи беглых холопов [6, с. 37–38].

Вопросы внешней торговли занимали в международных отношениях значительное место, поэтому многие договоры были посвящены преимущественно этим проблемам. Поэтому логично выделить еще одну группу международных договоров «о торговле и суде». Ярким примером здесь является проект договора Новгорода с Любеком и Готским берегом от 1269 г., в котором можно выделить несколько разделов: 1) определение зон ответственности Новгорода и немецких городов за купцов и посланцев; 2) определение подсудности дел по преступлениям, совершенным на торговом пути; 3) регулирование условий преодоления порогов и предоставления услуг лоцманов и возчиков, а также определение судебного органа, которому подведомственны споры по этой категории дел; 4) определение особенностей судопроизводства и процессуальные нормы, касающиеся партнеров по договору; 5) уголовно-правовые нормы; 6) определение мер веса [6, с. 58–61].

Еще одну группу международных договоров составляли грамоты о предоставлении свободного проезда («чистого пути»). Такая грамота давала гарантии безопасного проезда по определенной территории. Сторона, выдавшая грамоту, могла также предоставить охрану для проезжающих купцов: «Оже будетъ не чистъ пут[ь] в речкахъ, князь велитъ своимъ мужемъ проводить сии гость» [6, с. 62, 57].

Таким образом, договорные грамоты в целом следует отличать от международных договоров, но при этом некоторые договорные грамоты являются по своему содержанию международными договорами, и их следует рассматривать в составе этой группы древнерусских актов. Всего же можно выделить пять подгрупп международных договоров на северо-западе Руси в период XII–XIV вв.: 1) договоры о мире, прекращавшие вооруженный конфликт; 2) договоры о взаимной помощи (о совместных действиях против третьей стороны); 3) договоры, в которых регулировалась деятельность совместных судов; 4) договоры, регулировавшие торговые отношения; 5) международно-правовые акты о предоставлении свободного проезда («чистого пути»). Из указанных групп наименьший интерес для изучения городского права представляет вторая группа договоров, остальные являются поистине кладзем ценной информации.

Международные договоры показывают высокий уровень внутренней организации городских общин, развитый административно-судебный аппарат, способный эффективно выполнять как внутри-, так и внешнеполитические функции. Отношения городов Северо-Западной Руси и князей только в некоторых случаях напоминают отношения европейских городов и крупных феодалов, в большинстве случаев они строятся на других началах.

Из договоров видно, насколько значима была сельская прилегающая округа для городских общин, которые четко определяли границы своего влияния и конфликтовали из-за них с другими общинами или князьями. Наконец, договоры с «немецкими городами» не показывают никаких отличий, которые бы в формально-юридическом отношении можно было проследить между русскими городами и европейскими.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований по проекту № 15-03-00123/15 «Источники русского городского права в XIII–XVIII вв.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868. 302 с.
2. Архив Юго-Западной России. Ч. 5. Т.1. Киев: Унив. Тип., 1869. 637 с.
3. Антонович В.Б. Очерк истории великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев: Унив. тип., 1878. Вып. 1. 24 с.
4. Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города X–XV веков. М.: Социально-экономическая литература, 1960. 351 с.
5. Гуталаг // Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М.: РГГУ, 1999. С. 113–171.
6. Грамоты великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. М.: Академия наук СССР, 1949. 408 с.

VALUE OF INTERNATIONAL TREATIES FOR STUDYING OF THE RUSSIAN CITY LAW OF THE 13TH–15TH CENTURIES

© 2015

Yu. V. Ospennikov, Doctor of Laws, Professor of Chair of the theory and history of state and law
Samara Humanitarian Academy, Samara (Russia)

Keywords: city law; sources of law; international contracts; medieval law.

Abstract: In article the main groups of the international treaties known in the northwest of Russia in the 13th–15th centuries are allocated and characterized. Their potential for studying of the Russian city law is shown.

УДК 343.01

**ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ:
ВСЕ «ЗА» И «ПРОТИВ»**

© 2015

О.Ю. Савельева, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и криминология»
К.А. Забурдаева, магистрант

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: принудительные работы; наказание; исправительные центры; альтернатива лишению свободы; система наказания.

Аннотация: В связи с гуманизацией системы наказаний как одним из приоритетных направлений российской уголовной политики, на протяжении нескольких лет в действующее уголовное законодательство был внесен ряд изменений и дополнений, свидетельствующих о расширении сферы применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. В статье приведена характеристика принудительных работ с позиции норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, обозначены проблемы, связанные с их исполнением.

Принудительные работы – это новый вид наказаний, который был включен в систему наказаний, закрепленную в ст. 44 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [1] в соответствии с Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 420-ФЗ) [2].

Несмотря на то что принудительные работы до сегодняшнего дня не назначаются и не исполняются, поскольку, исходя из последней редакции ч. 3 ст. 8 Закона № 420-ФЗ, нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в части применения данного вида наказания должны вступить в силу 1 января 2017 года [2], среди ученых велись и ведутся споры относительно природы и законодательного закрепления института принудительных работ.

Из содержания ст. 53.1 УК РФ и ст. 60.4 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ) [3] следует, что законодатель относит принудительные работы к наказаниям, альтернативным лишению свободы, выражая их сущность в следующем:

- во-первых, осужденные отбывают наказание в специальных учреждениях – исправительных центрах, расположенных в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены; при этом срок наказания составляет от двух месяцев до пяти лет;

- во-вторых, осужденный привлекается к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы (работают там, куда они направлены администрацией исправительного центра);

- в-третьих, с осужденного взыскиваются от пяти до двадцати процентов заработной платы в доход государства;

- в-четвертых, на осужденного возлагаются обязанности по выполнению предписаний правил внутреннего распорядка исправительного центра.

Анализ вышеизложенных норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства позволяет сделать вывод о том, что принудительные работы, несмотря на то что законодатель позиционирует их как наказание, альтернативное лишению свободы, фактически таковыми не являются, поскольку и ст. 53.1 УК РФ, и гл. 8.1 УИК РФ содержат ряд карательных элементов, характерных для наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества. В частности, лицо, приговоренное к принудительным работам, как указывается в ч. 1 ст. 60.1 УИК РФ, отбывает данное наказание в специализированном исправительном центре. А согласно ч. 3 ст. 60.1 УИК РФ и Порядку создания при исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы изолированных участков, функционирующих как исправительные центры, утвержденному Приказом Минюста России от 08.04.2014 № 67 [4], изолированные участки, функционирующие как исправительные центры, могут создаваться при исправительных учреждениях, где, как известно, отбывается наказание в виде лишения свободы.

Кроме того, как справедливо отмечает Е. Благоев, несмотря на то что принудительные работы на основании ч. 1 ст. 45 УК РФ отнесены к основному виду наказания, исходя из содержания ст. 53.1 УК РФ, они носят несамостоятельный характер, поскольку «применяются как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса» (ч. 1) и назначаются только в порядке замены лишения свободы (ч. 2) [5].

С.В. Шевелева выделяет еще одну проблему, связанную с исполнением принудительных работ [6]. Согласно ч. 1 ст. 60.2 УИК РФ, как отмечает автор, осужденные к принудительным работам, находящиеся во время вступления приговора в законную силу на свободе, а также осужденные, которым неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена принудительными работа-